

СКРИПТИЗАЦИЯ БЫТИЯ: ЯВЛЕНИЕ НОВОГО СУБЪЕКТА?

Участники:

Егоров Сергей Нестерович — доктор юридических наук, член адвокатской Палаты СПб, государственный советник III класса.

Иванченко Галина Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии ГУ-Высшая Школа экономики.

Тулчинский Григорий Львович — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор С.-Петербургского филиала ГУ-Высшая Школа экономики.

Уваров Михаил Семенович — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии С.-Петербургского государственного университета.

Эпштейн Михаил Наумович — профессор теории культуры и русской словесности университета Эмори (Атланта, США).

Галина ИВАНЧЕНКО:

Понятие скриптизации кажется обреченным на расширение — ведь речь идет о скриптизации бытия. «Раздувающая вселенная» скриптов, как и наша Вселенная, видимо, может существовать, только распространяясь вширь. Вечно живая, творческая первооснова бытия выплескивает все новые, неожиданные, никогда ранее не существовавшие формы своего же запечатления, удвоения или даже умножения. Множащиеся контексты скриптизации нашли свое отражение в дискуссии, но, на мой взгляд, остается открытым вопрос — все ли проявления скриптизации являются формами скриптизации бытия, тем более — персонологической скриптизации бытия.

В определении К.С. Пигровым дневника («изготовленное самим индивидом «зеркало души», отправляющее ее в сторону духа») присутствует очень важный момент — вероятностный характер «события скриптизации» в особенности в продолжении определения — «Здесь **случается самосознание, здесь возникает микрокосм. Дневник это технология генезиса микрокосма**». Самосознание может «случиться», а может и не «включиться», и не обогатиться, и не расшириться; вполне можно представить себе дневник, письмо, лю-

бой скрипт, только имитирующий, а не производящий работу о-смысления. Письмо — это самонаказание, раскаяние, говорит М.Н. Эпштейн, и «пишущие, как бы ни были они разнузданно грешны в жизни, постоянно — и большей частью бессознательно — подвергают себя этому обряду». Однако не напоминает ли такое полусознательное раскаяние одурманенное состояние Пифии, раскачивающейся в трансе и выкрикивающей отрывистые фразы? Лишь ясное сознание мета-скрипторов может уловить смысл, — точнее, придать свой смысл, — флуктуациям Логоса, пропускаемым через себя — без всяких долговременных и необратимых последствий — «квазискрипторами». Пишущий постоянно и без принуждения становится скриптором не по роду занятий, не в силу своей сродненности с компьютером — через мучительное борение с собой, через «самостирание через самонаписание» (М.Н. Эпштейн).

Фиксировать наличие либо отсутствие процесса осмысления в ходе скриптизации вряд ли кто-то возьмется — и сам субъект, и его читатели, и исследователи. Но вектор задается вполне четкий — от простого к сложному, от мучительно невнятного, нерелексивного, имманентного — к осмысленному.

Особое значение, новый смысл скриптизация получила в той экзистенциальной ситуации, в которой оказалась значительная часть современного человечества, строящая свою идентичность (свои идентичности) не по лекалам имманентности, а по сделанным на свой страх и риск чертежам, сводящим в систему мозаику элементов самых разных культур и эпох.

Можно было бы говорить о скриптизации в широком и в узком смысле: в широком — как любой процесс письма, включающий хоть малую толику «личностного знания»; и в узком — как процесс и результат запечатления трансформаций самосознания (по крайней мере, каких-то его кирпичиков). Но точнее говорить о скриптизации и ее имитации. Весело и серьезно, в сознании необратимости и единственности, в логике предельных вопросов. Или — самодовольно или нарочито покаянно, без-культурно в смысле игнорирования толщи смыслов, стоящих за твоим искомым и единственным, и, главное, онтологически безопасно.

Отметим, что возникает интересный парадокс — «забота о себе» в смысле Фуко, о котором напоминает А.П. Любый, негарантированное и небезопасное занятие (как и любая подлинная скриптизация). Но ее избегание либо замена подделками, суррогатами лишь на время обеспечивает уютное сознание безопасности и в перспективе человеческой жизни оказывается тупиком. А о том, как велика потребность в безопасности, свидетельствует недавний пример — промелькнуло сообщение о том, что в первые же дни возможностью оформить страховку от негативных оценок своих фотографий воспользовались 65 тысяч членов сетевого сообщества «Одноклассники».

Показательно, что дискуссия скорее была сосредоточена на традиционных средствах скриптизации (письмо, дневник, статья), чем на новых информационных технологиях и средствах коммуникации. Свой скепсис в отношении возможностей обогащения и наполнения новыми смыслами философских дискуссий через блоги или «Живой Журнал» я попробую обосновать отсылкой к судьбе так называемого «третьего направления» в музыке (см.: Третье направление: «За» и «против» // Советская музыка, 1990. № 1. С. 42 — 50). Разочарование в его возможностях вызвано было тем, что в попытках синтеза языков академической и популярной музыки неизменно порождаются тексты, семантически неотличимые от поп-музыки, что целые смысловые пласты принципиально неконструируемы в рамках «эндоксального дискурса» (Р. Барт). Точно так же «липкий» и «вязкий», по определению Р. Барта, имитативный характер «сетературы» и форм диалога в Сети вряд ли способствует открытию принципиально иных возможности скриптизации бытия, — скорее, десистематизирует и опустошает имеющиеся. Хотелось бы, чтобы подтвердилась правота М.С. Уварова, и Гуттенберг, еще живущий внутри нас, победил новоделы культуры, а не оказался побежденным ими.

Согласимся — убить, задушить, замуровать в себе скриптора окончательно и бесповоротно мало кому удастся. Можно, конечно, попытаться, и потом высокомерно вопрошить — «Сторож ли я скриптору своему?» Но «скриптизирующее Я» скорее сродни Озирису, чем Авелю, и неиз-

менно воскресает, и бытийствует в транссубъектном состоянии «живее всех живых».

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ:

Работы коллег утвердили меня в трех обстоятельствах. Во-первых, в порождающей способности скриптизации «потенцировать», «овозможнить» бытие, готовое в духе Ф.М. Тютчева откликаться новыми мирами на разумное слово. В этой связи мне видится перспектива дальнейшего расширения проблематики дискуссии о скриптизации. Например, за счет осмысления опытов и практик словотворчества, расширяющего концептуальные возможности сознания, таким, как недавний «Проективный философский словарь» или сетевой проект М.Н. Эпштейна «Дар слова».

Во-вторых, это глубокая и принципиальная персонологичность бытия. Я давно уже пишу о «персонологическом повороте» и «постчеловеческой персонологии». Обсуждение скриптизации раскрыло ее как технологию и опыт раскрытия этой персонологичности, «выворачивания» ее из самоценной ранее иллюзорной «объективности». Нужен ли такой опыт? Хочется надеяться, что нужен. Как пишет А.П. Люсый: «Кто мы? Закрытые самодостаточные монады? Или все же есть надежда на открытость и искренность, без которой невозможны ни общение, ни общность».

В-третьих, в перспективе именно постчеловеческой персонологии. Я всегда связывал ее именно с динамикой самого бытия, связанной, одновременно, с расширением сферы свободы и ответственности, и с сужением границ личности как собственно вменяемого субъекта, превращением последнего в точку сборки свободы и ответственности, мало связанной с границами кожно-волосного покрова. Потом Ф. Фукуяма написал о постчеловеческом будущем, связав его с достижениями био-технологий и медицины. М.Эпштейн нашел новые убедительные аргументы, связав их с скриптизацией, развернув достаточно яркую картину пост-антропоморфного будущего.

Несколько неожиданно возникла ассоциация с «Голубым салом» В. Сорокина, в котором новая загадочная неуничтожимая субстанция возникала только посредством

«скриптизаций» клонов известных писателей прошлого. Не знаю, как насчет неуничтожимости, но то, что «скриптизаторы» наращивают ткань человеческого бытия, и то, что их иногда для этого сознательно используют — это факт.

Сергей ЕГОРОВ:

Нетривиальность и важность вопроса о соотношении скриптизации и вербализации для меня после знакомства со статьями коллег только возросли. В своей статье я исходил из соотношения род — вид. Род — вербализация, любое проявление мысли в слове, вид — скриптизация, проявление мысли в слове письменном. Однако после прочтения остальных текстов я вынужден признать, что такое понимание этого соотношения отнюдь не единственное. Вместе с тем, понятие «скриптизация» так и не выработалось. У каждого автора есть свое представление, скорее всего не совпадающее с представлениями других авторов. Можно попробовать рассматривать полмегабайта представленных текстов как контекстуальное определение этого понятия.

Неоднократно процитированная автором формулировка звучит примерно так: «Сформировались конкретные технологии вербализации и скриптизации, т.е. описание своего бытия и удвоение его в фиксированном слове». Не скрою, звучит красиво и афористично. Однако дает широкое поле для толкований. В том числе, возможно, и таких, каких автор вовсе не имел в виду.

Мне в этом афоризме не хватает чего-то важного. Все, включая автора, сознательно или бессознательно вкладывают в этот термин положительный, скажу больше, философский смысл. Тем не менее, сама формулировка куда шире. Экономия в словах впускает в означаемое «кое-что», с моей точки зрения, явно лишнее.

«Описание своего бытия в фиксированном слове» может быть очень разнообразным. Например, «здесь был Вася», — чем не описание своего бытия? Можно подобрать и еще менее приличный пример настенной «скриптизации». Или другой пример, правда, из устного творчества: «Что вижу, то пою!». Никто не мешает «скриптизировать» подобную песнь снегов. Примеры можно продолжить. Однако уже

понятен вопрос: согласны ли мы все любое зафиксированное в двойном слове отнести к «скриптизации»? Анализ представленных текстов показывает, что не согласны.

А раз так, нужен критерий «отсечения лишнего». В качестве такого критерия готов предложить цель скриптизации. Философствование вообще должно начинаться с вопроса: зачем? Анализ представленных текстов показывает, что авторы, кто более явно, кто менее явно, такую цель скриптизации вменяют. Что же это за цель? Предлагаю такую — понимание. Давайте считать, что скриптизация нужна, чтобы лучше понять. Понять либо «я-бытие», либо «ино-бытие».

О понимании Я-бытия, рефлексии написано довольно много. Жанр дневника здесь наиболее удобен. Но только не дневника факта или духа, а дневника души. Такой дневник, в котором все подчинено анализу, рефлексии, дневник эксперимента над собой. В естественных науках журнал эксперимента — норма. В таком журнале фиксируется вид экспериментальной установки, условия каждого отдельного эксперимента, полученные данные, ход и результаты их обработки, мысли, которые рождаются у экспериментатора по ходу эксперимента. В общем, все, что с экспериментом связано. Именно все, так как никогда заранее неизвестно, что окажется важным, а что нет. В эксперименте над собой еще меньше известно заранее, что окажется важным в результате. Именно поэтому неискренний и неподробный дневник для самосознания не имеет смысла. Именно поэтому такой дневник не подразумевает обнародования — кому придет в голову обнародовать свои черновики? Другое дело черновики чужие. Но нам сейчас важно, с какими мыслями пишутся, должны писаться такие скриптизирующие дневники.

Скриптизация не менее полезна и для понимания инобытия. Полезна сразу в двух смыслах. Во-первых, она помогает мне самому, а во-вторых, она вовлекает в совместное понимание других. Понимание — штука сложная и трудная. Тот, кто пытался что-либо понять, прекрасно это знает. Заинтересованное общение часто может очень помочь в понимании. Заформализованные симпозиумы и конференции лишь бледная тень такого скриптизирования. Такая скриптизация — это, безусловно, творчество и, что еще более важно, СОтворчество,

которого так не хватает современной науке. Почитайте переписку ученых XVII — XVIII веков! Какой уровень сотворчества! А обеды Бора и Эйнштейна в перерывах Сольвеевских конгрессов! Пусть и в виде устного творчества.

Итак, предлагаю критерием отношения к скриптизации считать цель — познание. Если слово удвоено с целью познания, мы можем отнести его к скриптизации, если с любой другой целью — нет.

Михаил ЭПШТЕЙН:

Удивительно, насколько цельным предстает собрание статей столь разных авторов. Главное, что их объединяет, — понимание роли письма в бытийном (само)определении субъекта. Напомню, что постструктуральное изгнание субъекта из гуманитарных наук наиболее решительно и инициативно совершилось именно в философии письма («О грамματοлогии» Ж. Деррида, 1967). И вот субъект возвращается именно на ту территорию, с которой был изгнан, что обещает и дальнейшее расширение его полномочий в новой гуманитарной парадигме. Не случайно почти все статьи в этой подборке обращены к самым личностным жанрам письма: интимный дневник, исповедь, истории по жизни... Письмо оказывается не просто модусом бытия, но и одним из самых аутентичных, экзистенциально насыщенных модусов. Приведу высказывания четырех авторов, программно связывающих скриптизацию с жизнетворчеством и персонологией.

Г.Л. Тульчинский. «Наибольший интерес представляют попытки первичной скриптизации, фиксация непосредственного персонологичного опыта. Реализация такого опыта важна тем, что, помимо решения личностных задач самособирания и самоопределения автора, она расширяет возможное самовосприятие других».

Г.В. Иванченко. «Тесная связь скриптизации с жизнетворчеством... Это одно из тех взыскательных занятий, которое «не читки требует с актера, / Но полной гибели все-рьез». Быть на высоте своих скриптов, быть достойным той определенности, которая достигнута в скрипте».

К.С. Пигров. «Скриптизация выражается в введении интимного дневника... *Каждый человек как духовное суще-*

ство обязан в той или иной форме вести дневник; это является условием действительного развития».

М.С. Уваров. «...Исповедальное слово в культуре неизбежно. Вопрос только в том, может ли мы заменить искренность покаяния и исповеди письмом фиксирующего бытие скриптора...».

На мой взгляд, в сумме этих статей формируется новое дисциплинарное поле — скрипторика как философская наука о пишущем, о субъекте письма, в отличие от грамматологии, которая абсолютизировала «что» письма за счет якобы неприсутствующего, фиктивно-метафизического «кто». Хочу подчеркнуть, однако, что нынешнее возвращение к субъекту письма, Homo scriptor, не повторяет или только отчасти повторяет философский жест 1930 — 1950-х гг., каким экзистенциальная аналитика бытия отвергала эссенциализм таких направлений, как идеализм, материализм, позитивизм. Современное восстановление субъекта письма не может быть чисто экзистенциалистским, поскольку и грамматология, которая служит контрастным фоном такого восстановления, не была эссенциальной. Она выступала и против экзистенциализма, и против эссенциализма, снимая разницу между ними в понятии «метафизики присутствия» (в том числе личного присутствия, на котором экзистенциализм настаивает не меньше, если не больше идеализма или материализма).

Поэтому так важно в нынешней ситуации развести скрипторике не только с грамматологическим пониманием письма без субъекта, но и с экзистенциалистским пониманием субъекта как присутствия. Может быть, эта последняя линия различия прорисована у нас еще недостаточно и нуждается в нажиме. Современную персонологию отличает от персонализма и экзистенциализма 1930 — 1950-х гг. именно понимание персоны как не-присутствия, как процесса, который совершается в письме и через письмо и не может быть отождествлен с «выбором себя» в ситуации вне письма. Субъект письма — это не индивид, сидящий перед листом бумаги или перед экраном компьютера; он не присутствует ни в комнате, ни в доме, ни на службе; не подлежит ни эмпирической, ни экзистенциальной верификации. Это субъект, становящийся таковым именно через письмо, через опыт и перспективу своего инди-

видного отсутствия в письме, — Транссубъект. Для философа-экзистенциалиста, такого, как Сартр, субъект может осуществлять свой выбор шпагой или пером, смелостью или трусостью, подвигом или болезнью, политическим или эстетическим ангажементом. Мне представляется, что персонология письма тоньше и вместе с тем шире этой экзистенциалистской установки. Персонология занимает дистанцию по отношению к персоне письма, предполагает множество играющих, соперничающих, двоящихся персон в одном становящемся Транссубъекте. Транссубъект письма, например, Пушкин, каким мы знаем его не по биографиям (писаниям о нем), но по совокупности его творений, вбирает в себя множество персон, его замещающих и отсутствующих в бытии или присутствующих лишь отчасти и фиктивно, таких, как Иван Белкин, Вильям Шенстон, Джон Вильсон, Ипполит Пиндемонти, лирический герой и повествователь «Евгения Онегина», лирическое «я» «Медного всадника» и т.д. Транссубъект — это персона, заключенная во множество кавычек, общее место всех своих заместителей, лицо всех своих масок. «Концептуальная персона», как ее мыслили Ж. Делез и Ф. Гваттари, имеет более близкое отношение к этому Транссубъекту, чем экзистирующий индивид Сартра.

Мы еще не умеем по-настоящему говорить об этом Транссубъекте, о том, кто такой ПУШКИН и что такое ПУШКИНСКОЕ как субъектные категории самого письма. Мы сбиваемся либо на биографический и экзистенциалистский язык внеписьменного субъекта, либо на грамматологический язык бессубъектного письма... Важно осознать, что субъект письма возвращается, но он окрашен в цвета своего отсутствия, он должен быть пропущен через зеркальный ряд кавычек и замещений. «А шарик вернулся... А он голубой» (Б. Окуджава). Он уже небесного цвета, окрашенный в то иное, откуда он возвращается... Так и субъект, возвращаясь в современную теорию письма, несет значимые следы своих исчезаний и замещений. Но поскольку поле скрипторики уже обрисовано, в нем открываются новые задачи и возможности: понимания не только самого письма, но и трансформаций пишущего субъекта.

Возвращение субъекта — но другого!

Михаил УВАРОВ

Как и любое новое дело, философская скриптография изначально обрастает всевозможными коннотациями. Казалось бы, что может быть проще «письма» и «описания» классических артефактов европейской культуры? Тем более после опыта грамматиологии и деконструкции текста (культуры), вполне реально состоявшегося в недрах постмодернизма. Скриптор присутствует во всех элементах культуры, поскольку фигура «писца» олицетворяет собой возможность произнесения и — главное — фиксации истины в том ее варианте, в котором она понимается в книжной европейской культуре или, скажем, в культуре ислама.

В нашей дискуссии уже назывались разнообразные проявления скриптизации, но бросается в глаза традиционность обсуждаемых вопросов, если только отвлечься от самого термина «скриптизация». Действительно, что есть письмо само по себе: новый опыт культуры? А дневник, автобиография, записанная исповедь — это тоже новые опыты?..

Сложность заключаются в том, каким образом извлечь новизну из нового понятия и наполнить его иными, по отношению к классическим, смыслами. И главное: *кто писец?*

Как верно замечает М.Н. Эпштейн, *«это и есть главный вопрос скрипторики: кто пишет и зачем? Вопрос несущественный с точки зрения грамматиологии, которая практически исключает роль пишущего субъекта. Мотивация такова: в отличие от говорящего, пишущий отсутствует в написанном, он пребывает там, где его нет: в том времени и пространстве, где остаются только его следы, которые суть также следы его исчезновения. Письмо оказалось идеальным объектом для деконструкции, поскольку, в отличие от полнобытийного устного слово, оно выдает отсутствие скриптора, а также тех предметов, которые его окружают, на которые он мог бы опереться или показать пальцем»*. Иными словами, скриптография и сама фигура скриптора, на первый взгляд, — совершенно зримые вызовы постмодернизму с его утерянным субъектом, автором, умершими богом, человеком и автором, приобретенными бриколажем, гипертекстом и игрой в бисер.

Но меня занимает следующий вопрос. Смерть постмодернизма стала уже необсуждаемой темой, в частности, бла-

годаря усилиям и таланту М.Н. Эпштейна. Все вроде бы ясно. Постмодернизм мертв. Но хочется продолжить *a la* Борис Гребенщиков: «а я еще нет!...». Я, автор этих размышлений, тот, который не умер, раз все еще пишет, не закончился и этому рад, утверждаю: нельзя констатировать смерть постмодернизма, если на смену ему не приходит парадигма, претендующая хотя бы на относительную новизну. А еще когда сама культура подсказывает нам: вот те новые механизмы (о)писания, которые сделают постмодернистскую методологию ненужной, уставшей, архаичной. К моему сожалению, ничего, кроме красивых слов о смерти постмодерна, я реально не вижу из того, что может прийти ему на смену. Экивоки в сторону 11 сентября 2001 г. или других знаковых событий нового тысячелетия ответа на вопрос тоже не дают. Куда делся проект «новой архаики»? Где новые пост-постмодернистские идеи в науке, технике, искусстве, политике etc? Благими пожеланиями известно какая дорога выстлана.

В одной толстой книге, посвященной постмодернизму, я вычитал поразившую меня мысль о том, что в XXI веке постмодернизм только начинается, и суждена ему многотысячелетняя история. При всей, мягко говоря, «странности» этой идеи я верю ей не меньше, чем книгам о «смерти постмодернизма». И раз я верю в несоизмеримые постмодернистские «контрасты жития», следовательно, все еще нахожусь в ситуации постмодерна, если даже я последний из могикан.

И вот теперь мой вопрос о скриптизации. Если никаких новых механизмов описания бытия не предлагается и если фигура скриптора (ну, например, древнего доксोगрафа, легендарного новозаветного писца Прохора или русского летописца) становится для нас знаковой, то что же такого нового мы предлагаем миру?

По мнению Г.Л. Тульчинского, *«наибольший интерес представляют попытки первичной скриптизации, фиксация непосредственного персонологического опыта. Реализация такого опыта важна тем, что, помимо решения личностных задач самособирания и самоопределения автора, она расширяет возможное самовосприятие других. <...>Что бы мы зна-*

ли об искусстве, преемственности отечественной культурной жизни XX века без воспоминаний, дневников, историй З. Гиппиус, Я. Друскина, С. Довлатова...». Совершенно с этим согласен. Но это утверждение учит только одному: мы основательно подзабыли ту традицию, которая только в рамках отечественной культуры XX века имеет удивительные горизонты. А что же говорить о мировой культуре! Книга Григория Львовича «Истории по жизни», в частности, вызвала такую реакцию отторжения, потому что утеряна традиция, и, как это ни печально, именно философская традиция, понятая в самом широком смысле. Уровень личных претензий к автору, на мой взгляд, отражает ситуацию, согласно которой профессиональные качества любой книги становятся ничтожными в глазах читателя, обиженного за изложение «своей» истории (даже если она когда-то была вполне публично рассказана). Великолепный материал для размышлений по поводу этоса гуманитарной науки! Помните, Незнайка как-то нарисовал портреты своих друзей. Каждый из них от души потешался над смешными изображениями своих товарищей, а свой личный портрет в ярости норовил насадить на несчастную Незнайкину голову. В общем, совсем как у Высоцкого. «...*Винювен не Жираф, а тот, кто крикнул из ветвей: “Жираф большой, ему видней”*».

Тем не менее, кое-что в верном направлении сделано. Для меня очевидно, что на смену постмодернизму должна прийти вполне ясная классическая парадигма, хотя и обновленная. Скриптография, возможно, является одним из верных шагов в этом направлении. Как замечательно пишет К.С. Пигров, «*скриптизация жизни, пусть в самых мелких ее проявлениях, открывает путь к “Божественному глаголе”, к всеобщим формам логики и к ресурсам долговременной памяти, внятной не только одному поколению*».

Поживем — увидим.

Редакция предлагает нашим читателям и авторам принять участие в этой дискуссии. В случае достаточно явного резонанса публикуемых материалов мы готовы вернуться к теме скриптизации на новом уровне.